

Ю.В. Зевако

РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И «ЭПОХА ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ»: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ*

Статья посвящена анализу современного состояния политики памяти в отношении «эпохи политических репрессий» в Российской Федерации. В статье рассмотрены ключевые дискурсы в отношении «эпохи политических репрессий»: официальный, либеральный и православный. С точки зрения таких концептов, как «травма» и «постпамять» содержательно проанализированы проблемы политики памяти в отношении указанного сюжета. Приведён обзор существующих практик основных акторов, реализующих данную политику.

Ключевые слова: российская идентичность; политика памяти; места памяти; политические репрессии; государственная политика; жертвы политических репрессий.

Сведения об авторе: Зевако Юлия Валерьевна, кандидат политических наук, научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных исследований, Институт истории и археологии УрО РАН; 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16; e-mail: milirita@rambler.ru

Julia V. Zevako

THE RUSSIAN IDENTITY, POLITICS OF MEMORY AND THE “ERA OF POLITICAL REPRESSION”: TO THE PROBLEMSTATEMENT

The article is devoted to analysis of the current state of the politics of memory in relation to the “era of official repression” in the Russian Federation. The article discusses the main discourses regarding the “era of official repression”: official, liberal and Orthodox. The problems of the politics of memory in relation to these subjects are analyzed in detail from the point of view of such concepts as “trauma” and “post-memory”. At this article is given the review of existing practices of the main actors.

Keywords: Russian identity; memory policy; places of memory; political repression; public policy; victims of political repression.

About the author: Yulia V. Zevako, Candidate of Political Sciences, Researcher of the Interdisciplinary Research Laboratories, Institute of History and Archaeology of the Russian Academy of Science, Ekaterinburg, Russia

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских учёных – кандидатов наук (МК-1206.2019.6, рук. Д. Н. Караева).

Эпоха политических репрессий является сложным противоречивым сюжетом отечественной истории. Данный тезис справедлив как в отношении самоидентификации государства, исторической науки, образовательного пространства, так и применительно к сфере памяти людей. Поиск и создание конструктивных смыслов вокруг данной темы, способствующих консенсусу как внутри общества, так и между обществом и государством, является актуальной задачей.

Так, героизация личности И. В. Сталина² говорит о противоречивых представлениях россиян о той эпохе, в котором противопоставлены «сталинисты» и «антисталинисты». В логике такого «диалога» одни склонны оправдывать политические репрессии и преуменьшать их масштабы, другие – наоборот [Земсков 2012: 79-88]. Подобные «конфликтогенные» сюжеты в условиях поиска опорных конструкций для формирования российской идентичности должны оказываться в фокусе внимания государства и гражданского общества.

Разработка эффективных механизмов «политики памяти» применительно к сталинскому времени поможет формированию взвешенного образа данной эпохи, будет способствовать формированию согласия внутри российского общества [Капустин 2017].

Об актуальности темы свидетельствуют результаты социологических исследований, фиксирующие разлад общественного мнения в отношении событий эпохи репрессий³, наличие спекуляций вокруг количества жертв [Там же], факт принятия Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий [Концепция 2015]. В силу того, что тема политических репрессий является «травматичной» для государства и общества [Ушакин 2009: 5-41; Петрова 2008: 201-208], она политически ангажирована и эмоционально пристрастна. Перефразировав слова Т. Джадта о неоднозначных сюжетах из истории Франции [Джадт 2004: 44-71], можно отметить, что россияне не могут ничего рассказать об «эпохе политических репрессий» так, чтобы общий смысл этого рассказа был понятен и разделялся бы большинством сограждан.

Необходимо отметить еще одну проблему, с которой сталкивается общество и государство в отношении «эпохи политических репрессий». Нередко звучит фраза: «Чтобы помнить, надо знать». Эти слова вполне применимы и к политике памяти. Однако в политике памяти оба этих глагола обретают качество переменных, относительных величин.

© Зевако Ю. В., 2019

² В рейтинге конкурса «Имя Россия» в 2008 г. И. В. Сталин занял 3 позицию.

³ Согласно данным опроса ВЦИОМ в 2017 г. существенное число респондентов (43%), слышавших о репрессиях, склонно соглашаться с тем мнением, что без осуществления репрессий невозможно было сохранить порядок в стране. Несогласных с этим, категорически осуждающих репрессии, лишь немногим больше (49% среди всех опрошенных и 57% среди тех, в чьих семьях были репрессированные).

Что именно «знать» и что именно «помнить» зависит от того, кто диктует повестку «политики памяти». Значимым становится вопрос и о том, как помнить (помянуть), то есть вопрос об актуальных практиках памяти. «Знание» является отправной точкой для последующих реконструкций исторического прошлого коллективной памяти человека, группы или нации в этнокультурном и политическом смысле.

Как подчеркивает Т. Джадт, «если судить по почти полному исчезновению нарративной истории из школьной программы многих стран, включая и Соединенные Штаты, скоро может наступить время, когда для большинства граждан прошлое их страны будет представлять собой нечто вроде lieux d'oubli – «мест забвения», или, скорее, мест незнания, поскольку и забывать станет нечего. Совершенно бессмысленно учить ребенка, как мы это делаем сейчас, критически относиться к полученным знаниям о прошлом, если перед этим он так и не получил никаких знаний» [Там же].

Это утверждение вполне справедливо и для России. Данные соцопросов показывают впечатляющие «проценты знания» о том, что было такое время в истории нашей страны – «репрессии»¹, но о качественном наполнении этого «знания» по данным статистики судить довольно сложно. Наличие «знания» не гарантирует его «встраивание» в историческую память людей. Такое «встраивание» требует целенаправленных усилий государственных и негосударственных институтов по реализации политики памяти.

Под «политикой памяти» или «политикой в отношении памяти» исследователи понимают любые намеренные и формально легитимные действия политиков и чиновников, которые направлены на укрепление, удаление или переопределение отдельных фрагментов общественной памяти, попытки «конструировать культурную память и формировать определенную модель политического видения национального прошлого, ...вмешательство власти в автономию науки» [Миллер 2009: 59–60].

А.И. Миллер отмечает односторонность данных определений, указывая на то, что в них активная роль по «конструированию» памяти отдана на откуп действующей власти, что характерно для авторитарных государств, тогда как в демократических государствах можно выделить, по крайней мере, четыре субъекта политики памяти: «правительство (политическое представительство), органы самоуправления как представителей региональных контекстов истории (в зависимости от степени их самостоятельности), независимые средства массовой информации, а также гражданское общество в виде различных объ-

¹ Согласно данным ВЦИОМ за 2017 г. среди молодежи от 18 до 24 лет (76%) и респондентов с образованием ниже среднего (70%) доля слышавших о репрессиях, у людей зрелого возраста (от 45 лет и старше, 94-96%), обучавшихся в вузах (94%).

единений и организаций, в том числе конфессиональных» [Там же: 60]. Одновременно исходной точкой и результатом деятельности указанных акторов становится создание реальных, виртуальных и воображаемых «мест памяти».

Согласно классику-основателю «memory studies» в исторической науке П. Нора, места памяти – это «любое значимое явление, вещественное или нематериальное по своей природе, которое по мановению человеческой воли или под воздействием времени приобрело статус символа в мемориальном наследии того или иного сообщества» благодаря одновременному сочетанию материального, символического и функционального смыслов в каждом из них [Нора 1999: 39-47].

«Эпоха политических репрессий», «Большой террор», «ГУЛАГ» безусловно являются «местами памяти» в современной России и отвечают таким его характеристикам, как «значимость» и «символичность», наличие «материальной» и «нематериальной» природы.

Однако, в отличие, например, от Великой Отечественной войны эти понятия не имеют единой трактовки, консенсусного нарратива о себе, который бы удовлетворял потребностям носителей этой памяти. Это связано с тем, что исследователи называют «исторической травмой», рассматривая и осмысливая через концепт «травмы» «эпоху политических репрессий» [Vogumil 2012: 376-389]. События данной эпохи были «травматическими» для всех ее участников, по какую бы сторону колючей проволоки, условно говоря, они не стояли.

Соответственно, логика выстраивания социальной памяти о таких событиях соответствует логике формирования социальной памяти о катастрофах – в нашем случае, о человеческой катастрофе. Так, С. Ушакин отмечает: «Нередко в формировании социальной памяти о катастрофах сами потерпевшие играют далеко не определяющую роль. Более того, если официальные лица и институты, призванные расследовать причины катастроф, ориентированы прежде всего на то, чтобы «закрыть дело», определив «виновных», «пострадавших» и размер ущерба, то сами пострадавшие преследуют иные цели. Тема мемориализации справедливости, исторической правды оказывается в прямом конфликте с политической потребностью сформировать «окончательную» версию произошедшего» [Ушакин 2009: 32]. Примерно в такой логике выстраиваются отношения всех четырех вышеуказанных субъектов политики памяти в отношении «эпохи политических репрессий».

Возможно, государству выгоднее, если бы об «эпохе политических репрессий» не было никакого «знания», и этот неприглядный сюжет стал «местом забвения». Однако активность различных организаций гражданских инициатив (например, «Мемориал», «Фонд Сахарова», руководство музея «Пермь-36» и др.) и отдельных общественных деятелей и деятелей культуры не позволяет об этих событиях «забыть». Более того, в литературе постсоветского периода также достаточно много

внимания уделяется уточнению документальной канвы данного периода. Усилиями негосударственных организаций и общественников планомерно создается «знание» об «эпохе политических репрессий», которое транслируется в массы под тем углом зрения, под каким его видят «создатели», часто конфронтационным по отношению к власти.

Но разрозненные усилия общественных организаций не смогли данное «знание» «встроить» в историческую память населения, хотя возможности сети Интернет и различные медийные форматы репрезентации информации дают все больше вариантов для увеличения эффективности такой работы.

С начала 2010-х гг. государство встало перед необходимостью самому определить «эпохе политических репрессий» «место» в памяти своего народа, и в силу того, что этот сюжет носит травмирующий характер, сделать это *так*, как это будет выгоднее для себя, и *раньше*, чем это сделают организации гражданских инициатив. При этом в силу ряда причин полностью отказаться от сотрудничества в создании «консенсусного нарратива» об «эпохе политических репрессий» с организациями общественных инициатив государству невозможно.

В условиях концентрации материальных, информационных и медийных ресурсов в руках правящей элиты возможностей для «встраивания» необходимых «знаний» в историческое сознание населения в целом и отдельных граждан в частности у государства становится достаточно, однако опыта по качественному наполнению этого «знания» у организаций гражданских инициатив значительно больше. Более того, формулирование этого «знания» часто имеет региональные и локальные особенности, в связи с чем требуется разработка и применение «низовых» практик.

В результате в 2015 г. была принята Концепция государственной политики по увековечиванию памяти жертв политических репрессий [Концепция 2015]. В этом документе правительство России фактически предложило централизованную концепцию памяти в отношении данной эпохи, имея ввиду, прежде всего, сталинский террор и ГУЛАГ. Речь идет о координации усилий религиозных и общественных организаций с целью формирования «окончательной версии произошедшего», нивелировав и нейтрализовав, таким образом, внутренние содержательные противоречия между либеральным, православным и официальным дискурсами этой темы [Sniegon 2019].

Положения, на основе которых предлагается выстраивать сотрудничество и диалог между различными акторами политики памяти в этом вопросе, сводятся к констатации существования ряда пробелов в рамках данной политики. На основе выявленных пробелов предполагается объединение усилий общественных и государственных организаций [Концепция 2015].

Основными принципами государственной политики по увековечиванию памяти жертв политических репрессий являются «необходимость объективного анализа как достижений советского периода, так и его трагических страниц, в том числе массовых политических репрессий; сами принципы осуждения идеологии политического террора» – созвучны идеям и либерального, и православного, и официального дискурсов.

В то же время в плане практической реализации Концепция имеет противоречивый характер. С одной стороны, в настоящее время при поддержке государства проводится множество мероприятий: музеями – иммерсивные спектакли [Иммерсивный «спектакль»...], осуществляется сбор воспоминаний [Рачаева, Артемьева 2016; Большой террор 2018] и т. д., архивами – издание книг памяти, организация архивных уроков [Быкова 2013: 50-58], обеспечение доступа к документам, органами власти – установка мемориалов на местах расстрелов [В Екатеринбурге открыли...] и т. д. С другой стороны, мемориальные комплексы с «неудобной» властям трактовкой событий закрываются (например, «Пермь-36» [Новая жизнь «Перми-36»]), ряд общественных организаций, продолжительное время ведущих просветительскую деятельность и финансируемых из зарубежных фондов, объявляются «иностранными агентами» (например, Международный «Мемориал» [Международный «Мемориал»...]).

Очевидно стремление властей сформировать «окончательную версию произошедшего» и представить эту страницу истории как «прошедшую», которая не требует глубокого осмысления. С точки зрения «формы» государство в рамках реализации Концепции уделяет большое внимание данной теме: поддерживает строительство Стены скорби, работу музея истории ГУЛАГа, проводит официальные мероприятия в местах памяти, учреждает Фонд памяти жертв политических репрессий. С содержательной же точки зрения – острых общественных дискуссий в общенациональном масштабе в отношении «эпохи политических репрессий» не происходит, как не происходит и осмысления этой эпохи как коллективной «травмы».

Общественное примирение и гражданское согласие мыслится представителями официального дискурса в том, чтобы принять эту «историю» как историю, не полемизировать по этому поводу, а прийти 30 октября на ближайший мемориал, дабы просто вспомнить и помянуть всех – и палачей, и жертв.

В то же время, поскольку общество эту «травму» не пережило (в Германии на это понадобилась растянувшаяся на несколько десятилетий программа «денацификации» [Колесов и др. 2018: 89-104]), при этом «осуждение идеологии политического террора» логически не предполагает одинакового отношения к носителям (пусть впоследствии также расстрелянным) и к жертвам этой идеологии, не допускает размещения фамилий и тех, и других на одних мемориальных плитах.

Таким образом, в современной России отсутствует единый подход к пониманию «эпохи политических репрессий», что сказывается на эффективности политики памяти в рассматриваемой сфере и, как следствие, формирование гражданской политической общероссийской идентичности оказывается чрезвычайно затруднено. В этой связи первоочередная задача академического сообщества, институтов гражданского общества и государства в рамках увековечивания памяти жертв политических репрессий заключается в первую очередь в постановке проблемы «эпохи политических репрессий» в контексте политики памяти. Это будет способствовать формированию взаимодействия государства и общества, выработке действительно эффективной общественно-государственной политики в этой сфере.

Список источников и литературы

- Большой террор 2018** – Большой террор в частных историях жителей Екатеринбурга / ред. сост. Ю. А. Марченков. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 628 с.
- Быкова 2013** – Быкова С. И. Визуальные свидетельства советского прошлого: особенности практик коммеморации в современном индустриальном городе // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 6. С. 50-58.
- В Екатеринбурге открыли** – В Екатеринбурге открыли второй в России памятник «Маски Скорби» Э. Неизвестного. URL: https://www.znak.com/2017-11-20/v_ekaterinburge_otkryli_vtoroy_v_rossii_pamyatnik_maski_skorbi_ernsta_neizvestnogo (дата обращения: 25.03.2019).
- Воробьева И. В. 2015** – Воробьева И. В. Историческая память и историческое сознание россиян: современное состояние и тенденции // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 208. С. 16-21.
- Джадт 2004** – Джадт Т. «Места памяти» П. Нора: Чьи места? Чья память? // AbImperio. 2004. № 1. С. 44-71.
- Земсков 2012** – Земсков В. Н. Масштабы политических репрессий в СССР (против спекулятивных и мифологических построений) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14. № 3. С. 79-88.
- Иммерсивный «спектакль»** – Иммерсивный «спектакль» «Дело № 39496». URL: <http://12memorial.ru/#rec66491183>; иммерсивный аудиоспектакль «Зона голоса. Пермь. 1937». URL: <http://pmem.ru/index.php?id=6534> (дата обращения: 21.03.2019).
- Капустин 2017** – Капустин А. «Вся страна сидела?!» Политические репрессии в массовом сознании и в документах. Часть I. URL: <https://www.nakanune.ru/articles/113304/>. Часть II. URL:

<https://www.nakanune.ru/articles/113312/> (дата обращения: 22.09.2017).

Колесов и др. 2018 – Колесов Д. И., Маслова И. И., Сухова О. А., Шиманская О. К. Историческая память о Второй Мировой войне в Германии: этапы формирования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2018. № 21 (45). С. 89-104.

Колесов, Масова и др. 2018 – Колесов Д. И., Маслова И. И., Сухова О. А., Шиманская О. К. Историческая память о Второй мировой войне в Германии: этапы формирования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2018. № 1 (45). С. 89-104.

Концепция 2015 – Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 августа 2015 года № 1561-р «Об утверждении Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий». URL: <http://president-sovet.ru/documents/read/393/#doc-1>.

Международный «Мемориал» – Международный «Мемориал» объявили иностранным агентом. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3107309> (дата обращения: 02.04.2019).

Миллер 2009 – Миллер А. И. Россия: Власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3-4. С. 59-60.

Новая жизнь «Перми-36» – Новая жизнь «Перми-36». URL: <https://www.svoboda.org/a/27554986.html> (дата обращения: 02.04.2019).

Нора 1999 – Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / пер. с фр.: Дина Хапаева. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 39-47.

Петрова 2008 – Петрова Е. А. История семьи как межпоколенный ресурс совладающего поведения и средства его получения // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2008. Т. 14. С. 201-208.

Рачаева, Артемьева 2016 – Рачаева Е., Артемьева А. 58-я. Незыбтое / под ред. Е. Кравченко. М.: АСТ, 2016. 336 с.

Ушакин 2009 – Ушакин. «Нам этой болью дышать»? О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты / под ред. Ушакина, Е. Трубиной. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 5-41.

Шумилина-Павлова 2014 – Шумилина-Павлова М. О. Источники формирования исторического сознания российской молодежи // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2014. С. 226-232.

Vogumil 2012 – Stone, Cross and Mask: Searching for Language of Commemoration of the Gulag in the Russian Federation // Polish Sociological Review. 2012. № 177 (2012). P. 71-90; Merridale Soviet

Memories: Patriotism and Trauma // Memor: Histories, Theories, Debates / Book Editor(s): Susannah Radstone, Bill Schwarz. Fordham University, 2010. P. 376-389.

Sniegón 2019 – Dying in the Soviet Gulag for the Future Glory of Mother Russia? Making «Patriotic» Sense of the Gulag in Present-Day Russia. URL: <https://www.jstor.org/stable/10.1163/j.ctvbqs855.9>.

References

Bogumil 2012 – Stone, Cross and Mask: Searching for Language of Commemoration of the Gulag in the Russian Federation // Polish Sociological Review. 2012. № 177 (2012). P. 71-90; Merridale Soviet Memories: Patriotism and Trauma // Memor: Histories, Theories, Debates / Book Editor(s): Susannah Radstone, Bill Schwarz. Fordham University, 2010. P. 376-389.

Bol'shoj terror 2018 – Bol'shoj terror v chastnyh istoriyah zhitelej Ekaterinburga / red. sost. Yu. A. Marchenkov. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2018. 628 s.

Bykova 2013 – Bykova S. I. Vizual'nye svidetel'stva sovetskogo proshlogo: osobennosti praktik kommemoracii v sovremennom industrial'nom gorode // Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij. 2013. № 6. S. 50-58.

Dzhadt 2004 – Dzhadt T. «Mesta pamyati» P. Nora: Ch'i mesta? Ch'yapamyat'? // AbImperio. 2004. № 1. S. 44-71.

Immersivnyj «spektakl'» – Immersivnyj «spektakl'» «Delo № 39496». URL: <http://12memorial.ru/#rec66491183>; immersivnyj audiospektakl' «Zona golosa. Perm'. 1937». URL: <http://pmem.ru/index.php?id=6534> (data obrashcheniya: 21.03.2019).

Kapustin 2017 – Kapustin A. «Vsya strana sidela?!» Politicheskie repressii v massovom soznanii i v dokumentah. Chast' I. URL: <https://www.nakanune.ru/articles/113304/>. Chast' II. URL: <https://www.nakanune.ru/articles/113312/> (data obrashcheniya: 22.09.2017).

Kolesov i dr. 2018 – Kolesov D. I., Maslova I. I., Suhova O. A., Shimanskaya O. K. Istoricheskaya pamyat' o Vtoroj Mirovoj vojne v Germanii: etapy formirovaniya // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki. 2018. № 21 (45). S. 89-104.

Kolesov, Masova i dr. 2018 – Kolesov D. I., Maslova I. I., Suhova O. A., Shimanskaya O. K. Istorichaeskaya pamyat' o Vtoroj mirovoj vojne v Germanii: etapy formirovaniya // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki. 2018. № 1 (45). S. 89-104.

- Koncepciya 2015** – Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 15 avgusta 2015 goda № 1561-r «Ob utverzhdenii Koncepcii gosudarstvennoj politiki po uvekovecheniyu pamyati zhertv politicheskikh repressij». URL: <http://president-sovet.ru/documents/read/393/#doc-1>.
- Mezhdunarodnyj «Memorial»** – Mezhdunarodnyj «Memorial» ob"yavili inostrannym agentom. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3107309> (data obrashcheniya: 02.04.2019).
- Miller 2009** – Miller A. I. Rossiya: Vlast' i istoriya // Pro et Contra. 2009. № 3-4. S. 59-60.
- Nora 1999** – Nora P. Problematika mest pamyati // Franciya-pamyat' / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pyuimezh, M. Vinok / per. s fr.: Dina Hapaeva. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999. S. 39-47.
- Novaya zhizn' «Permi-36»** – Novaya zhizn' «Permi-36». URL: <https://www.svoboda.org/a/27554986.html> (data obrashcheniya: 02.04.2019).
- Petrova 2008** – Petrova E. A. Istoriya sem'i kak mezhpokolennyj resurs sovladayushchego povedeniya i sredstva ego polucheniya // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Sociokinetika. 2008. T. 14. S. 201-208.
- Rachaeva, Artem'eva 2016** – Rachaeva E., Artem'eva A. 58-ya. Neiz"yatoe / pod red. E. Kravchenko. M.: AST, 2016. 336 s.
- Shumilina-Pavlova 2014** – Shumilina-Pavlova M. O. Istochniki formirovaniya istoricheskogo soznaniya rossijskoj molodyozhi // Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie». 2014. S. 226-232.
- Sniegon 2019** – Dying in the Soviet Gulag for the Future Glory of Mother Russia? Making «Patriotic» Sense of the Gulag in Present-Day Russia. URL: <https://www.jstor.org/stable/10.1163/j.ctvbqs855.9>.
- Ushakin 2009** – Ushakin. «Nam etoj bol'yu dyshat'»? O travme, pamyati i soobshchestvah // Travma: punkty / pod red. Ushakina, E. Trubinoj. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. S. 5-41.
- V Ekaterinburge otkryli** – V Ekaterinburge otkryli vtoroj v Ros-sii pamyatnik «Maski Skorbi» E. Neizvestnogo. URL: https://www.znak.com/2017-11-20/v_ekaterinburge_otkryli_vtoroy_v_rossii_pamyatnik_maski_skorbi_ernsta_neizvestnogo (data obrashcheniya: 25.03.2019).
- Vorob'yova I. V. 2015** – Vorob'eva I. V. Istoricheskaya pamyat' i istoricheskoe soznanie rossiyan: sovremennoe sostoyanie i tendencii // Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury. 2015. T. 208. S. 16-21.
- Zemskov 2012** – Zemskov V. N. Masshtaby politicheskikh repressij v SSSR (protiv spekulyativnyh i mifologicheskikh postroenij) // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. 2012. T. 14. № 3. 79-88.